

Я. Я. РОГИНСКИЙ

## Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

17 июля (5 июля по ст. ст.) исполнилось сто лет со дня рождения русского путешественника и исследователя Николая Николаевича Миклухо-Маклая. В этот день многие тысячи людей в Советском Союзе с уважением и любовью вспоминали имя Миклухо-Маклая, самоотверженного ученого, защитника и друга угнетенных народов. Но в то время, к которому относится научная деятельность этого выдающегося антрополога и этнографа, о Миклухо-Маклае знали очень немногие.

В год кончины (1888) Миклухо-Маклая в журнале «Всемирная Иллюстрация», рядом с сообщениями о генерале Буланже и о наводнении в северогерманской низменности, была напечатана краткая биография Миклухо-Маклая, которой предшествовало несколько печальных слов о его судьбе. «Он умер, — писал неизвестный автор, — почти всеми забытый, всеми покинутый, в горькой нужде, борясь с жестоким недугом, который явился у него вследствие расстройства организма, истощенного неблагоприятными условиями долгой скитальческой жизни. А между тем, он вовсе не заслужил такого забвения, такого равнодушия со стороны своих соотечественников, которые не постыдились черной неблагодарностью заплатить этому истинному подвижнику за все, что он сделал для науки, для прославления нашего отечества в самых отдаленных углах земного шара»<sup>1</sup>.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888), сын инженер-капитана из дворян Черниговской губернии, родился в с. Рождественском, Боровичского уезда, Новгородской губернии. С одиннадцатилетнего возраста, после смерти отца, жил в Петербурге, где и получил среднее образование, затем поступил в Петербургский университет вольнослушателем на физико-математический факультет, но, не прослушав там полного курса, отправился в Германию заканчивать свое образование. После двухлетнего пребывания на философском факультете Гейдельбергского университета Миклухо-Маклай отправился в Лейпциг, где занимался на медицинском факультете, а затем переехал в Иену, где избрал своей специальностью естественные науки и посвятил себя изучению зоологии. В 1866 г. в качестве зоолога Миклухо-Маклай совершил поездку на Канарские острова и в Марокко, а в 1869 г. — к берегам Красного моря.

Это последнее путешествие было сопряжено с большими трудностями. Вследствие скудости средств, которыми располагал Миклухо-Маклай, он не имел возможности нанять себе помощника и принужден был странствовать один. Сам Миклухо-Маклай писал впоследствии, что «несмотря на его бритую голову, крашеный цвет лица, арабский костюм, несмотря даже на некоторое знакомство с языком и подражание, с внешней стороны, религиозным обрядам мусульман, религиозный фанатизм арабов и их склонность к грабежу частенько заставляли его бояться за свою жизнь».

7 октября 1870 г. Миклухо-Маклай доложил Русскому Географическому обществу план научной экспедиции, рассчитанной приблизительно на восемь лет. Маршрут экспедиции проходил через тропические зоны, подымаясь на север до Охотского моря. В этом проекте

<sup>1</sup> «Всемирная иллюстрация», т. XXXIX, 1888, № 15, стр. 318—319.

первым пунктом наиболее продолжительного пребывания была назначена Новая Гвинея. В программу исследований были поставлены уже не только зоологические работы, но и изучение антропологического состава различных народностей, их культуры, быта, древностей, а также собирание коллекций по всем этим отраслям знания для различных музеев России. Географическим обществом было ассигновано на расходы по путешествию около полуторы тысяч рублей.

С этой суммой Миклухо-Маклай выехал весной 1871 г. на корвете «Витязь» в Тихий океан по направлению к Новой Гвинее. Здесь, в бухте Астролябии, Миклухо-Маклай высадился с двумя слугами — шведом и полинезийцем (последний вскоре умер). Судовой мастер строил для них небольшую хижину, после чего корвет снялся с якоря. Первое время пребывание Миклухо-Маклая на берегу острова, населенного папуасами, никогда не видавшими европейца, на каждом шагу грозило ему гибелью, так как туземцы были настроены по отношению к нему и его спутникам очень враждебно. Однако кротость, терпение и полное бесстрашие Миклухо-Маклая изменили положение вещей: своим дружеским отношением и оказываемой туземцам медицинской помощью он вполне расположил их к себе. Таким образом, Миклухо-Маклай прожил 15 месяцев среди людей, имевших репутацию людоедов, ни разу не прибегнув к помощи оружия, неуклонно собирая антропологические и этнографические материалы. В декабре 1872 г. клипер «Изумруд», посланный на розыски Миклухо-Маклая, забрал его на борт, больного и близкого к гибели вследствие тяжелых и непривычных условий жизни в дикой тропической стране.

С 1872 до 1874 г. Миклухо-Маклай оставался на острове Ява, откуда по временам делал экскурсии на соседние острова, где изучал малайское население. В 1874 г. он снова направился на Новую Гвинею, на этот раз избрав для своих исследований юго-западный берег этого острова, известный под названием Папуа-Ковиай. Пребывание его там было недолговременным и едва не кончилось катастрофой, так как Миклухо-Маклай чуть не был убит туземцами, его припасы и лекарства были разграблены, научные приборы и инструменты унесены. Миклухо-Маклай искал убежища на острове Амбоине, а оттуда через Макаassar вернулся на Яву, где оставался до 1875 г.

В 1875 г. Миклухо-Маклай посетил полуостров Малакку, где совершил два путешествия в глубь страны, преодолев исключительно большие трудности, а в следующем году, снова отправился на берег Маклая в Новую Гвинею, к своим старым знакомым — папуасам, которым повез всякого рода орудия и скот. Там он был встречен как признанный вождь и друг и провел среди них два года уже без всяких опасений, продолжая свои научные исследования и одновременно оказывая большую и разнообразную помощь жителям острова. После короткого посещения Батавии и Сингапура Миклухо-Маклай отправился в Австралию, в Сидней для обработки собранного материала. Из Сиднея в течение 1879 г. он предпринял ряд поездок по островам Меланезии, где собрал антропологический материал. Во время этих экскурсий Миклухо-Маклай установил, что европейские колонизаторы широко практикуют захват туземцев для продажи их в рабство (под видом контрактации кули); по возвращении в Австралию он выступил с публичным протестом против работорговцев и гнусных методов колониальной эксплуатации туземного населения.

В 1882 г. Миклухо-Маклай посетил Петербург и Москву. В 1883 г. он вернулся в Сидней, откуда поехал в третий раз на берег Маклая. Получив сведения о притязаниях Германии на эту область Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай разработал план занятия этого берега Россией. Но эти попытки не увенчались успехом, и северный берег Новой Гви-

неи был оккупирован немцами. Не удалось довести до конца и другую идею Миклухо-Маклая — основать русскую колонию на одном из островов Тихого океана, еще не занятых другими державами.

В 1883 г. Миклухо-Маклай женился на дочери сэра Дж. Робертсона, бывшего первого министра Нового Южного Уэльса. В течение последних лет пребывания Миклухо-Маклая в Австралии ему удалось после очень больших хлопот добиться основания биологической станции около Сиднея в Ватсон-бее. В 1887 г. он привез в Россию свою семью с намерением остаться на родине и приступить к обработке и изданию своих трудов. К несчастью, долгие годы странствий и перенесенных болезней подкосили силы Миклухо-Маклая, и 14 апреля 1888 г. он скончался в Петербурге, успев подготовить к печати только 1-й том описания своих путешествий.

Первые научные работы Миклухо-Маклая, т. е. те, которые были выполнены им в период с 1866 по 1871 г., относятся к области зоологии. Лишь начиная с 1871 г., с путешествия на Тихий океан, Миклухо-Маклай приступает к систематическому собиранию материалов по антропологии. Основную область его работ как антрополога была западная часть Океании. Порядок его антропологических исследований в общих чертах таков: наблюдения на острове Пасхи, на острове Мангарева и Питкерн; исследования папуасов на северо-востоке Новой Гвинеи (на берегу Маклая); исследования негритосов на острове Люсон; исследования папуасов на юго-западе Новой Гвинеи (на берегу Папуа-Ковиай); ряд путешествий на полуострове Малакка и исследования оранг-сакаев, оранг-мантра и др.; работы на островах Адмиралтейства; возобновление исследований папуасов на Новой Гвинее; работы в Австралии; новые поездки по Меланезии: исследования на Новых Гебридах, Соломоновых островах, Луизиаде и др.

Прежде, чем отправиться в свое путешествие, Миклухо-Маклай обратился к ученым разных специальностей с просьбой сообщить, какие вопросы, интересующие их, он мог бы сделать объектом своих исследований. Как сообщает Д. Н. Анучин, многие ученые отозвались на это и поставили перед исследователем ряд проблем этнографии и антропологии. Председатель Берлинского Географического общества проф. Бастиан, проф. Герланд, акад. Бэр, проф. Геккель и Чермак высказали свои пожелания. Кроме того, Миклухо-Маклай присоединил к ним вопросы Чарлза Дарвина, касающиеся выражения ощущений. Эта программа была доложена в Русском Географическом обществе 7 октября 1870 г.

Какие научные задачи предполагал разрешить Миклухо-Маклай? Прежде, чем ответить на этот вопрос, нужно хотя бы очень коротко остановиться на состоянии антропологии в тот период, который предшествовал его путешествиям.

Главной частью научного наследства, которое оставили после себя в области изучения человеческих рас натуралисты XVIII в. — Карл Линней, Бюффон, Блюменбах, Гунтер и др., — были опыты систематики основных расовых типов человечества. Однако наблюдения путешественников и дальнейшие специальные исследования показали, что внутри каждой большой расы имеются многочисленные территориальные различия, а также, что некоторые различия, приуроченные к определенным ареалам, вовсе не укладываются в рамки ранее установленных делений. Явилась потребность в пересмотре старых классификационных схем и вместе с ней сознание необходимости заново и более точно изучить как те признаки, по которым выделяются расы, так и их распределение по разным областям земного шара.

В результате этих работ научная мысль столкнулась с целым рядом проблем, из которых основной был анализ самого понятия «раса». В

центре внимания антропологии середины XIX в. стоял вопрос о том, представляют ли человеческие расы самостоятельно возникшие виды или их следует оценивать как породы, т. е. разновидности одного вида. Первая точка зрения получила название полигенизма, вторая — моногенизма. Споры между теми и другими были тесно связаны в то время, в частности, с вопросом о глубине расовых различий не только по морфологическим особенностям, но и по способности разных рас к умственному развитию, причем полигенисты того времени обычно проводили между белыми и цветными расами в смысле их психических свойств значительно более резкую границу, чем их противники.

Несомненным отголоском этих споров является следующее место в одном из очерков Миклухо-Маклая: «Если мысль Дарвина, высказанная им в конце описания своего кругосветного путешествия, что невозможно передать различия между диким и цивилизованным человеком, совершенно верна, то, мне кажется, еще далее менее возможно, имея единственно книги источником своих сведений, составить себе понятие, до чего дошли или могут дойти эти, так называемые дикие, и решать за письменным столом даже с помощью всех библиотек Европы, но без собственного внимательного наблюдения, степень и направление интеллектуального развития различных от нас рас»<sup>2</sup>. Вместе с тем, фактические знания о расовом составе и культуре многих народностей земного шара были еще чрезвычайно скудными или вовсе отсутствовали. Этим обстоятельством, а также тенденциями, которые приходили в науку извне и по существу не имели с ней ничего общего, объясняются и нелепые представления, существовавшие о многих расах и народах еще в середине прошлого столетия. Так, некоторые ученые серьезно обсуждали вопрос о наличии хвоста у ньям-ньямов и хотя отвечали на него отрицательно, но допускали, что эта особенность строения тела часто встречается на Зондских островах<sup>3</sup>. Собираение точных данных о неисследованных народах, очевидно, составляло первоочередную и весьма важную задачу антропологии.

В бумагах Миклухо-Маклая оказался документ (опубликованный Д. Н. Анучиным), который дает понять, почему именно Новая Гвинея была выбрана Миклухо-Маклаем в качестве основной области его работ. Вот этот отрывок: «Мне кажется, что мне следует прежде всего сказать, почему я выбрал Новую Гвинею целью моего путешествия и моих исследований. Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, т. е. в состоянии, в котором люди жили и живут до более близкого столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией (как индусская, китайская, арабская и т. д.). Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т. д., или же, главным образом, занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание. С другой стороны, еще, такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами мне казалось достойным положительного сожаления, вследствие обстоятельства, что расы эти, как известно, при столкновении с европейской цивилизацией с каждым годом исчезают. Времени, по моему мнению, не следовало упускать, и цель — исследование первобытных народов — мне казалась достойной посвятить ей несколько лет жизни. Совершенно согласно с моими желаниями повидать другие части света и знания мои

<sup>2</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Архипелаг Пелау. Известия Географического общества, т. XIV, 1878.

<sup>3</sup> Журн. «Ausland», 1858, № 46; 1862, № 31. Цит. по Арнольди. Цивилизация и дикие племена. СПб., 1904.

подходящи для такого предприятия. Занятия анатомией человека и медициной могли значительно облегчить антропологические работы, которыми я думал заняться. Но где найти эти первобытные племена людей вне влияния других, поднявшихся на сравнительно высокую ступень цивилизации?»<sup>4</sup>.

На этом запись обрывается. Из последующей деятельности Миклухо-Маклая, однако, видно, что Новая Гвинея с его точки зрения в наибольшей степени отвечала поставленной им задаче. Влияние на этот выбор оказала также работа академика Карла Бэра «О папуасах и альфурах», где ее автор настаивает на том, что «желательно и, можно сказать, научно необходимо, чтобы жители Новой Гвинеи были полнее исследованы». Эта статья, опубликованная в 1859 г. в качестве комментария к исследованию о черепах из антропологического фонда Академии Наук, сыграла большую роль в научной деятельности Миклухо-Маклая, и поэтому о ней следует сказать несколько слов.

После подробного рассмотрения истории антропологических наблюдений в Океании и Меланезии К. Бэр приходит к гипотезе о том, что в Меланезии имеются по крайней мере два типа, из которых один более напоминает африканских негров, а другой — австралийцев, отличный от последних только своими спирально завитыми волосами. Оба эти типа имеются на Новой Гвинее. Первый тип — это настоящие папуасы, а второй тип — альфуры, результат очень древнего смешения папуасского и австралийского типов. Тип папуаса хотя и похож на негра, однако, по мнению Бэра, может быть, переселился не из Африки, а из Индии, где еще во времена Геродота, по его свидетельству, жили черные люди «эфиопы». Альфурусы, или альфуры, — термин, как известно, теперь употребляемый по отношению к жителям Северного Целебеса и некоторым обитателям Молуккских островов. Прежде это название применялось к туземцам внутренних округов Новой Гвинеи, Серама и других островов. Бэр толкует его как «дикий», «свободный», производя его от португальского «alforia», что значит «отпущение раба на свободу». Бэр подчеркивает, что тип, называемый им альфурами, хотя и весьма похож на туземное население Австралии, но в отличие от него обладает мелко-курчавыми волосами.

Область, которая привлекла внимание Бэра, а затем молодого Миклухо-Маклая, представляла действительно выдающийся интерес для антропологии того времени, да не утратила его и позднее. Население юго-восточной Азии и Океании представляло наибольшие трудности с точки зрения классификации человеческих рас и вызывало всего более сомнений. Сходство меланезийцев с неграми, негритосов с негриллами, дравидов с эфиопами, полинезийцев с европейцами давало как бы зеркальное отражение на восточной окраине эйкумены того, что было характерно для африканского и европейского миров. Неясным было отношение малайского и до-малайского населения Индонезии. Все эти вопросы, казалось, должны были скрывать основные проблемы расового состава человечества. Столь же значительный интерес вызывала и этнография Австронезии и Океании. Именно там еще сохранились некоторые из наиболее отсталых в культурном отношении народностей, которые впоследствии не раз послужили материалом и для действительно научных исследований ранних стадий развития общества, и для мнимых доказательств наследственной неспособности к дальнейшему умственному развитию темнокожих рас.

Работы Миклухо-Маклая несомненно составили эпоху в изучении народов Океании. Безукоризненная объективность, острая наблюдательность и соблюдение всех принятых в то время методических требова-

<sup>4</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. Т. I, Изд. «Новая Москва», 1923, стр. 34—35.

ний работы делают материалы, собранные Миклухо-Маклаем, незаменимым источником и для современного антрополога при изучении этой области. Наиболее важные результаты, полученные Миклухо-Маклаем в антропологии Океании, могут быть кратко сформулированы следующим образом: 1) он впервые дал детальное описание меланезийского расового типа с помощью наиболее точных для того времени приемов; весьма тщательно собрал краниологический, местами и другой анатомический материал, фиксировал свои наблюдения в прекрасно выполненных рисунках; 2) показал географическое распределение этого типа, его вариации и наметил его границы; 3) подтвердил наличие негритосского типа на полуострове Малакка (огромную заслугу Миклухо-Маклая в деле открытия и установления этого факта отмечал в частности Рудольф Вирхов); 4) доказал существование резко выраженной брахицефалии среди некоторых негритосских племен на о. Люсоне и среди жителей Меланезии.

Из письма Миклухо-Маклая к Бэру от 2 апреля 1873 г. можно видеть, что он сам придавал большое значение этому последнему факту. «Главный вопрос,— писал он,— касательно негритосов, который вы мне предложили решить, был: действительно ли негритосы Филиппинских островов брахицефалы? На это я отвечаю положительно, да...»<sup>5</sup>. «Перейду к другому вопросу, представляющемуся по разрешении первого: так как негритосы брахицефалы, папуасы же долихоцефалы, то действительно ли принадлежат они к одной и той же расе? На это я снова отвечаю,— да, и вот на каком основании. Первого взгляда на негритосов мне было достаточно, чтобы признать их за одно племя с папуасами, которых я видел на островах Тихого океана и с которыми я прожил 15 месяцев в Новой Гвинее. Я был даже поражен сходством физиономий некоторых негритосов с туземцами островов Ново-Гебридских, Новой Ирландии и Новой Гвинее, которых лица, так как я со многих снимал портреты, ясно сохранились у меня в памяти». Основной вывод Миклухо-Маклая: ...«что хотя негритосы Люциона и брахицефалы, но что они положительно принадлежат к племени папуасов»<sup>6</sup>.

В этом убеждении, что в пределах одной расы могут быть групповые различия в головном указателе, Миклухо-Маклай несомненно обогнал западноевропейских ученых своего времени. Так, Рудольф Вирхов на заседании Берлинского Антропологического общества 12 июня 1872 г. заявил о том, что абсолютное различие между черной расой Филиппинских островов и меланезийцами «установлено вероятно навсегда». К этому мнению Вирхова (высказанному им неоднократно) присоединился и автор специального краниологического исследования филиппинских негритосов в 1880 г. Шаденберг. В этих суждениях переоценивалась устойчивость головного указателя, хотя уже тогда антропология располагала некоторыми данными, которые позволяли предполагать возможность относительно быстрых эпохальных изменений формы черепа.

Примером работы, которая очень многое могла дать для решения этого вопроса, может послужить докторская диссертация другого русского антрополога А. П. Богданова, посвященная антропологическому типу населения московских курганов и обнаружившая резкие различия по головному указателю между современным и древним славянским населением на территории Восточной Европы. Аналогичные явления увеличения головного указателя были впоследствии открыты в целом ряде областей на Украине, на Северном Кавказе, в Латвии, в Центральной Европе и других странах, причем в большинстве случаев не представлялось возможным объяснять эту перемену вторжением нового

<sup>5</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, 1923, стр. 414.

<sup>6</sup> Там же, стр. 414—415.

типа. Как неверно применялось в то время использование этого важного антропологического признака, видно, например, из работ Европеуса, который даже обсуждал вопрос о близости вогулов и негров на основании удлинённой формы головы обеих групп.

Позднейшие исследователи дали многое также в подтверждение гипотезы Миклухо-Маклая о родственной близости негритосов и меланезийцев. Так, работами Турнвальда, Шлагинхауфена и др. было установлено наличие негритосского типа на территории Новой Гвинеи. Турнвальд сообщил об индивидах карликового роста на Соломоновых островах. Специальные анатомические исследования Саразиным костных элементов кисти показали чрезвычайно большое сходство меланезийцев и негритосов при довольно значительных отличиях тех и других от негров Африки. Большое сходство меланезийцев и негритосов было установлено в работе Валлуа по морфологии лопатки. Исследования закономерностей так называемого «неравномерного» или гетерогенного роста у человека и животных показали, что самое уменьшение длины тела влечет за собой обычно определенное изменение его пропорций и некоторые особенности черепа, свойственные пигмеям, и, следовательно, эти последние отличаются от высокорослых меланезийцев меньшим числом независимых признаков, чем об этом можно было бы предполагать с первого взгляда. Далее, изучение высших приматов показало, что карликовые формы возникали не только у человека в пределах близких к ним форм, но также у шимпанзе и у гиббона.

Миклухо-Маклай проявил, таким образом, большую наблюдательность в своем определении негритосов Люсона как одного из расовых вариантов меланезийской расы и тем предвосхитил наиболее естественное решение проблемы, получившей впоследствии столь неверное истолкование в трудах Кольмана и Вильгельма Шмидта, пытавшихся увидеть в пигмеях предков современного человечества.

Многое было сделано Миклухо-Маклаем и для таких вопросов, которые он сам не ставил или во всяком случае не формулировал в своих работах. Это обстоятельство необходимо иметь в виду для правильной оценки трудов Миклухо-Маклая. Отдав все свои силы на собирание материала в труднейших условиях, он очень немного из собранного успел подготовить к печати или даже привести в порядок. Вследствие этого научное использование сделанного Миклухо-Маклаем должно в значительной мере заключаться в систематизации тех отрывочных наблюдений, которые в большом числе разбросаны по его дневникам и статьям. Так, в частности, большой интерес представляет наблюдение Миклухо-Маклая о распределении волос на голове у папуасов. В результате исследования младенцев 3—6 месяцев, подростков 7—13 лет с бритыми головами и взрослых мужчин, которым он сам подстригал волосы при лечении головных ран, Миклухо-Маклай пришел к выводу, что волосы на голове папуаса растут совершенно так же, как у европейца и вообще у всех людей, и, таким образом, опроверг мнение об особом пучкообразном распределении волос у папуасов (мнение, разделявшееся Геккелем, Ирлом и др.).

В качестве другого важного открытия Миклухо-Маклая, высказанного им мимоходом, можно отметить частое обнаружение им монгольской складки века или эпикантуса у чистокровных сакаев и семангов Малакки. Подобные случаи, повидимому, независимого возникновения сходных важных таксономических признаков у разных рас впоследствии были зарегистрированы не один раз: единичные случаи светлых глаз у некоторых пигмеев Африки (Чиприани); довольно высокий процент эпикантуса у южноафриканских негров (Сук); единичные случаи спирально завитых волос в Центральной Европе (Матейка) и т. д. Факты такого рода очень важны для понимания процессов расообразования.

Миклухо-Маклай очень ясно показал, чем несомненно опередил науку своего времени, что широкая вариация признаков (в частности головного указателя) необязательно свидетельствует о посторонней примеси. В связи с этим Миклухо-Маклай, отмечая какой-либо отличительный признак расы, всегда обращал внимание на частоту его присутствия и, где это было возможно, указывал на наличие того же признака и у других рас в той же или другой пропорции. Так, говоря о бросающейся в глаза ширине «полулунной складки», или «*palpebra tertia*», во внутреннем углу глаза у папуасов, Миклухо-Маклай прибавляет, что широкая *palpebra tertia* не является особенностью одной только меланезийской расы, но встречается также у китайцев и у европейцев.

Некоторые наблюдения Миклухо-Маклая оказываются очень ценными для решения вопроса о родственных связях между расовыми типами Океании. Так, оказалось, что новорожденные и маленькие дети папуасов не имеют еще спиральной закрученности волос, характерной для взрослых (впоследствии этот факт подтвердили многие исследователи, в частности Ф. Саразин на Новой Каледонии). Это обстоятельство несколько стирает различие в форме волос между австралийской и меланезийской расой и в то же время удаляет эту последнюю от африканской негрской расы, где характерная форма волос устанавливается значительно раньше (Фриденталь). В том же смысле может быть использовано другое наблюдение Миклухо-Маклая — характерная сильная обволошенность лба, боковых частей лица и некоторых участков тела у папуасских детей. Аналогичные признаки были впоследствии обнаружены Клаачем у детей австралийских племен. Наконец, сильное развитие терминального волосяного покрова на спине, отмеченное Миклухо-Маклаем у некоторых взрослых меланезийцев, оказалось частым явлением и у туземцев Австралии (Вуд Джонс и др.).

Анализируя отличительные физические признаки туземцев, Миклухо-Маклай не забывал отметить факты, доказывающие наследственный характер этих особенностей. Таковы, например, нередкие случаи очень большой величины передних зубов, в особенности резцов (на островах Адмиралтейства, Андра и Агомес), часто встречающиеся в пределах одной семьи. Это наблюдение вместе с тем представляет интересный пример распространения нового признака в малой и сравнительно замкнутой популяции и вследствие этого также важно для уяснения роли изоляции, как одного из факторов образования рас у человека<sup>7</sup>.

Очень интересны соображения Миклухо-Маклая о метисном происхождении некоторых расовых типов полуострова Малакки, а именно у оран-утанов, оран-райетов, оран-мантра и оран-берсисси, которых Миклухо-Маклай определил как смешанные племена меланезийско-малайского происхождения. При этом определении Миклухо-Маклай опирался на свои более ранние исследования на острове Кильвару заведомых метисов между папуасами и малайцами, позволившие ему установить некоторые закономерности наследственности расовых признаков этих групп. От внимания Миклухо-Маклая не ускользнули независимость наследования черт лица и головного указателя и случаи полного преобладания прямых волос над спирально завитыми в первом поколении метисов. Не следует забывать, что эти наблюдения были сделаны в 1874 г., на 33 года раньше, чем исследования Давенпорта и Херста, впервые в 1907 г. занявшихся изучением наследственной передачи отдельных расовых признаков (цвет глаз).

Не лишне указать на замечание Миклухо-Маклая, касающееся эстетической оценки метисов, представляющее собой один из первых в

<sup>7</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Острова Адмиралтейства. Известия Географического общества, т. XIV, вып. 5, 1878, стр. 437.

науке выводов специалиста-антрополога об отсутствии физических дисгармоний при смешении далеких рас: «Физиономии помесей представляются для европейского глаза более красивыми, чем физиономии папуасов или малайцев; выражение на них более интеллигентное, более живое, чем у кровных малайских детей»<sup>8</sup>.

С другой стороны, Миклухо-Маклай не спешил заносить в число расовых свойств отдельные, скопившиеся на том или другом острове, признаки, в особенности такие, возникновение которых можно было объяснить воздействием внешних условий. С этой точки зрения интересно следующее место: «У многих папуасов я замечал, что большой палец ноги отстает от остальных на 2—2½ см, это во многих случаях оказывается им очень полезным, так как дает возможность держать ногой даже крупные предметы. Очевидно, это способность приобретенная, так как в большинстве случаев тот же палец на левой ноге не бывает настолько же отодвинут от прочих пальцев»<sup>9</sup>. В материалах Миклухо-Маклая имеются рисунки стоп некоторых папуасов, показавшихся ему замечательными по малой длине первого пальца. Случаи подобного рода Миклухо-Маклай впервые заметил у сакаев на Малакке, а затем в большей или меньшей степени у малайцев, микронезийцев и у папуасов. Описывая туземцев островов Адмиралтейства, Миклухо-Маклай указал, что разница между первым и вторым пальцем часто составляла от 5 до 14 мм в пользу второго<sup>10</sup>. Известно, что аналогичные явления позднее были описаны другими исследователями у веддов и сеноев и получили освещение в некоторых специальных работах и руководствах по сравнительной анатомии человека в качестве признаков, сближающих цветные расы с обезьянами.

Неудивительно, что Миклухо-Маклай нигде не высказывает подобных суждений, в полном согласии с основным принципом своей работы — изучать туземное население беспристрастно. Мало того, как точный наблюдатель, он попутно приводит другие факты, которые говорят против того, что в своей локомоции папуасы сохранили какие-то примитивные черты. Миклухо-Маклай неоднократно отмечает в своих дневниках удивительную ловкость движений и походки папуасов. «Трудно было не любоваться ими, так легко, свободно они двигались»<sup>11</sup>.

Он описывает замечательную сцену, где папуас Туй ловит рыбу ногой. Однако из тех же дневников Миклухо-Маклая легко убедиться, что хватательная функция стопы папуасов, конечно, ничего общего не имеет с обезьяной и представляет собой продукт чисто человеческого искусства, так как сочетается с высоким совершенством при прямом стоянии.

«Ловля рыбы с огнем очень живописна, и я долго любовался освещением и сценою ловли. Все конечности ловца заняты при этом: в левой руке он держит факел, которым размахивает по воздуху, как только он начинает гаснуть; правой туземец держит и бросает юр (острогу.— Я. Р.); на правой ноге он стоит, тогда как левою, по временам, снимает рыбок с юра»<sup>12</sup>.

Кроме того, позднее были сделаны наблюдения, что стопа употребляется как орган работы далеко не только на стадии малоразвитых культур. В цитированной выше статье об островах Адмиралтейства в сноске Миклухо-Маклай указывает, что на островах Вуап и на архипелаге Пелау он «часто имел случай удивляться, до чего довели ту-

<sup>8</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, 1923, стр. 485.

<sup>9</sup> Там же, стр. 341.

<sup>10</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Острова Адмиралтейства, Известия Географического общества, т. XIV, вып. 5, 1878, стр. 455.

<sup>11</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, 1923, стр. 202 и мн. др.

<sup>12</sup> Там же, стр. 228—229.

земцы, особенно девочки, гибкость своих рук и самостоятельные движения отдельных пальцев»<sup>13</sup>. Но совершенство движений такого рода является весьма типичной человеческой особенностью, отличающей человека от обезьян.

Не имея возможности подробно развивать теоретические положения, связанные с тем или иным фактом, Миклухо-Маклай нередко в нескольких фразах намечал совершенно правильный путь для дальнейших исследований. Так, отмечая малую численность населения на островах одного из архипелагов Северной Меланезии, Миклухо-Маклай ищет причину этого явления не в природном недостатке плодovitости женщин, а в социальных условиях жизни мужчин: «...нельзя сказать о женщинах, что они мало плодovиты: встречаются женщины, которые имеют более десятка детей...». «Вероятнее, что образ жизни мужчин, освященный обычаем, составляет главную вину слабого увеличения населения»<sup>14</sup>. В дальнейшем Миклухо-Маклай очень интересовался искусственными средствами ограничения рождаемости у туземцев Австралии<sup>15</sup>.

Особого упоминания заслуживают те наблюдения Миклухо-Маклая, которые позволили ему констатировать у туземцев Меланезии проявления их изобретательности и ловкости в новых родах работы. Так, в записи от 27 октября 1871 г. Миклухо-Маклай описывает, как папуас Туй совершенно самостоятельно пришел к употреблению осколка стекла для бритья и совершил эту операцию в первый же раз так искусно, что не оставил на лице ни одной царапины<sup>16</sup>. На архипелаге Пелау он обнаружил замечательные зачатки образного письма на карнизях общественных домов (пай) — вырезанные на дереве фигурки, представлявшие разные события и сцены из жизни туземцев. Последние называли эти фигурки Дилукай. Миклухо-Маклай убедительно доказал, что идея делать Дилукай не могла быть внушена европейцами, тем более что эмбриональные фазы развития фигурного письма он встретил и у папуасов берега Маклая, не видавших до его прибытия ни одного европейца<sup>17</sup>. Все эти наблюдения (здесь, конечно, приведена ничтожно малая доля их), нисколько не потерявшие значения и для современной науки, характеризуют Миклухо-Маклая как выдающегося исследователя в антропологии.

Миклухо-Маклау принадлежат крупнейшие заслуги в области изучения культуры и быта папуасов и других народностей Океании. При собирании этнографических фактов и в их интерпретации он проявил такую же осторожность и объективность, как и в своих антропологических работах. Очень большую роль в этнографических исследованиях Миклухо-Маклая сыграла близость, которую ему удалось установить с туземцами, и их полное доверие к его личности. Миклухо-Маклай дал впервые исчерпывающую характеристику материальной культуры папуасов северного берега Новой Гвинеи. Благодаря Миклухо-Маклау наука обладает чрезвычайно важными данными о разных сторонах жизни папуасов, весьма мало испытывавших посторонние влияния в течение очень продолжительного времени. Предметом «этнологических заметок» Миклухо-Маклая были: пища папуасов и способы ее приготовления, утварь и инструменты для еды, орудия, оружие, одежда и украшения, селения и жилища, внутренность хижин, плантации и обработка почвы, сношения и обмен между деревнями, повседневная жизнь

<sup>13</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Острова Адмиралтейства, стр. 441.

<sup>14</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Архипелаг Пелау. Известия Географического общества, т. XIV, 1878, стр. 294.

<sup>15</sup> «Über die Miska Operation in Central Australien». Verhandlungen der Berl. Gesellschaft für Anth., Ethn. u. Urgeschichte, 1880.

<sup>16</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, 1923, стр. 126—127.

<sup>17</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Архипелаг Пелау, стр. 283.

папуасов, язык, татуировка, приветствия, погребальные обряды, искусство, празднества и пиры и т. д.

Хотя Миклухо-Маклаю удалось в меньшей степени осветить факты, касающиеся социального строя и верований папуасов (что объясняется и общим уровнем этнографии той эпохи), однако и об этих сторонах жизни папуасов можно почерпнуть очень многое из содержательных и точных описаний, сделанных Миклухо-Маклаем. Отметим хотя бы такие факты, как коллективный характер производства и потребления у папуасов, особенности обмена, еще сравнительно мало развитого и обусловленного исключительно различиями в природных условиях трудовой деятельности, отсутствие на берегу Маклая родовых или выборных начальников в собственном смысле и одинаковое право голоса у всех взрослых членов общины. Из замечаний Миклухо-Маклая об изучении языка и его наречий весьма интересны его методические соображения, в которых он указывает на целый ряд специальных трудностей при изучении языков туземцев без переводчика и дает полезные советы, позволяющие избежать многих ошибок.

Он приводит яркий пример одной из таких ошибок, одновременно характеризующий способности папуасов к абстрактному мышлению: «Я взял однажды лист в надежде узнать название листа вообще. Туземец сказал мне слово, которое я записал; другой папуас, которому я предложил тот же вопрос и тот же лист, сказал другое название; третий, в свою очередь, третье, четвертый и пятый называли предмет опять другими и различными словами. Все названия записывались, но какое было настоящее название листа? Со временем и постепенно я узнавал, что сказанное сперва слово было название растения, которому принадлежал лист; второе название означало «зеленый», третье «грязь», «негодное», потому ли, что я, быть может, поднял лист с земли, или потому, что лист был взят с растения, которое папуасы ни на что не употребляют. Так случилось со многими, очень многими словами»<sup>18</sup>.

Многие из фактов, открытых Миклухо-Маклаем, могут быть только теперь оценены во всем их значении. Таковы, например, наблюдения Миклухо-Маклая, касающиеся огромного разнообразия языков у папуасов. «Почти в каждой деревне берега Маклая свое наречие. Деревни, удаленные на четверть часа ходьбы, имеют уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; деревни, отстоящие на час, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают себя взаимно»<sup>19</sup>.

Было бы невозможно перечислить все частные факты, обнаруженные Миклухо-Маклаем и интересные с точки зрения специальных вопросов этнографии Океании. Упомяну только об открытии общих обычаев у папуасов берега Маклая и у туземцев Полинезии (употребление «кеу», тождественного с полинезийским растением кава, или *Piper methysticum* и др.).

Особого упоминания заслуживают те многочисленные замечания Миклухо-Маклая, разбросанные в разных местах его «Путешествий», в которых отразилась его высокая оценка психических способностей папуасов. Вот некоторые из них. «Рассматривая их постройки, пироги, утварь и оружие и убеждаясь, что все это сделано каменным топором и осколками кремня и раковин, нельзя не поразиться терпением и ловкостью этих дикарей»<sup>20</sup>. «Можно было подивиться предприимчивости и трудолюбию туземцев, тщательной обработке земли»<sup>21</sup>. «Я часто уди-

<sup>18</sup> Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I, 1940, стр. 241—242.

<sup>19</sup> Там же, стр. 243.

<sup>20</sup> Там же, стр. 225.

<sup>21</sup> Там же, стр. 86.

влялся, как быстро и целесообразно все приготавлилось, без всякой толкотни и крика»<sup>22</sup>. «Я мог только удивляться работе, сделанной таким примитивным орудием, как каменный топор»<sup>23</sup>.

Удивление Миклухо-Маклая разделяет и современный читатель, узнавая, например, о том, как один из туземцев, Туй, не только успешно обучал папуасскому языку Миклухо-Маклая, но и вносил исправления в географическую карту бухты, сделанную последним, хотя до того времени никогда не держал в руках ни карандаша, ни бумаги.

Миклухо-Маклай не ограничился тем, что сказал правду о темнокожей расе, но вступил в борьбу ради защиты этой расы, забрасывая колониальную администрацию просьбами, призывами, протестами.

В марте 1879 г. ему случилось сесть на американскую шхуну «Saddie F. Caller». Перед тем как отправиться в плавание, он заключил с капитаном письменный договор, в который вставил следующий весьма интересный пункт: «В случае, если господин Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обязуется не позволить себе никаких насилий относительно туземцев под предлогом наказания». Это деловое предложение «господина Маклая» является документом совершенно исключительным во всей истории общения белых людей с колониальными народами. А ведь эти «слова были написаны в ту эпоху, когда «Die deutsche Kolonialgesellschaft» рассылало своих агентов, а вместе с ними принципы насилия, во все концы мира для «национального расширения» Германии, когда авантюрист ботаник Эмбло (один из многих) обращал хитростью и угрозами беззащитных обитателей острова Коморо в рабство и огнем и мечом усмирлял непокорных; это было время, когда в Европе Ваше де-Лапуж закладывал основы теории неравенства рас, которая несколько десятков лет спустя помогла фашизму кровью залить мир.

Научная деятельность Миклухо-Маклая и собранные им материалы в не меньшей степени, чем его личный пример, были вкладом в дело объединения человечества, если иметь в виду будущую теснейшую связь не отдельных индивидов, но целых народов. Для успешного решения этой исторической задачи необходимым условием является знание законов развития человеческого общества, проникновение и своеобразие форм его разных культурных областей, обоснование глубокого генетического родства между различными расами. Жизнь и труды Миклухо-Маклая рассеивают нелепое представление о расах, «неспособных к развитию», и расширяют наше понятие о человечестве и заложенных в нем силах. В этом бессмертная заслуга замечательного ученого и великого человека Н. Н. Миклухо-Маклая.

#### ТРУДЫ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

1. Путешествия. Том I. Изд. «Новая Москва», 1923. Под редакцией Д. Н. Анучина.
2. Путешествия. Том. I. Издательство Академии Наук СССР, 1940. Отв. редактор акад. В. В. Струве. Подготовили к печати И. Н. Винников и А. Б. Пиотровский.
3. Путешествия. Том. II. То же издание, 1941.

Почти полная библиография (свыше 70) печатных работ Н. Н. Миклухо-Маклая дана в статье Н. Янчук: «Н. Н. Миклухо-Маклай и его ученые труды». Современная летопись. Новая серия, XIV, 1913, № 4.

<sup>22</sup> Там же, стр. 253.

<sup>23</sup> Там же, стр. 144.